

Мушкетеры Англи

Убийство

Мишель Альба

Инквизитор

«Э.РА»

2012

Альба М.

Инквизитор / М. Альба — «Э.РА», 2012

ISBN 978-965-91416-7-8

Доменик, под давлением ворвавшегося в ее дом незнакомца, убежденного в скорой гибели по ее вине, вынуждена пересмотреть свое прошлое...

ISBN 978-965-91416-7-8

© Альба М., 2012

© Э.РА, 2012

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	20
Глава 10	22
Глава 11	24
Глава 12	26
Глава 13	27
Глава 14	29
Часть вторая	31
Глава 1	31
Глава 2	33
Глава 3	35
Глава 4	37
Глава 5	39
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мишель Альба

Инквизитор

“Malleus Maleficarum”

... как бы ведьмы ни сохраняли в сердце своем веру, а на языке ее отрицали,

они все сочтутся отступницами вследствие заключения договора с дьяволом и союза с адом.

... Ведьмы заслуживают наказаний, превышающих все существующие наказания. Позорные дела ведьм превосходят все другие преступления. Они подлежат наказанию вдвойне: как еретики и как апостаты...

Яков Шпренгер, Генрих Крамер "МОЛОТ ВЕДЬМ" (1486 год)

Выражаю благодарность моим издателям, художнице и редакторам, профессионально и качественно подготовившим книгу к печати и выпустившим ее в свет. Особая благодарность психологу-консультанту Ирине Крайн.

Мишель Альба

Мишель Альба. ИНКВИЗИТОР. Все права принадлежат автору
Издательство А.В.С. www.printabc.co.il/ru

* * *

Часть первая

Глава 1

– И последний вопрос...

Ведущая ночного телешоу с впечатляющими формами идеально выструганной скрипки и кукольно залакированным личиком без единого изъяна, улыбнулась, задержав внимание публики на безупречно белоснежных зубах. Подиум "Мисс нашего городка" пришелся бы ей как нельзя к месту.

– ... вам не страшно?

Триумфально-насмешливым взглядом она обвела наполовину заполненную студию и вместе с затаившими дыхание дилетантами-интеллектуалами перевела взор ожидания на гостью, наконец-то, поймав ту, как и предполагалось, в сети. Ну, сейчас-то она от ответа не отвертится.

Доменик, уже несколько подустала от затянувшегося, а, главное, бессмысленного поединка с "Мисс", дотошно тестирующей ее компетентность в области "философии разума", а, проще говоря, нейропсихологии. И попутно пытавшуюся копнуть поглубже, задавая некорректные вопросы о данных последних исследований.

Якобы, встревожившись, она парировала:

– А вам? Есть что бояться?

Развлечься не получилось. Теледива, очевидно, задетая за что-то живое, которое болит, сомкнула губки, стерев рекламную улыбку, беспокойно задышала и, отмахнувшись от Доменик, заученной скороговоркой проговорила:

– Вот и завершилась встреча с нашей очередной гостьей, сеньорой Доменик Фалльо, членом Международной ассоциации клинических психологов, в рамках когнитивной нейропсихологии специализирующейся в области исследования памяти. Всем спокойной ночи. Пока.

Ее где-то даже неприличное бегство с авансцены объяснялось очень просто – "каверзный" вопрос всплыл после того, как Доменик, избегая тяжелых на слух научных терминов, поделилась с публикой своими соображениями о сновидении как одного из самых загадочных видов мозговой активности, подытожив монолог встрепенувшим внимание слушателей предположением:

– Возможно, сон – это попытка подсознания вспомнить вашу прошлую жизнь.

Доменик, попрощавшись с операторами, поискала глазами "оппонентку", скоропалительно скрывшуюся где-то в глубинах опустевшей студии. Не вежливо как-то. И не поблагодарив.

Но та ее вдруг окликнула, перехватив уже на выходе:

– Могу я вам позвонить?

Доменик обернулась. Ее пытливая собеседница, потерявшая час на плетение западни, куда ученая гостья непременно должна была забрести, теперь довольно застенчиво прижимала к груди блокнотик с вопросами – "ловушками" хитроумного сценариста.

– Зачем? Я согласилась только на одноразовое участие в вашей программе. Всего доброго.

Стеклянные двери вновь разъехались, не задерживая ее, в отличие от настойчивой и вдруг стеснительной девушки:

– Нет, нет. У меня к вам частный вопрос.

Доменик бросила взгляд на часики – половина второго ночи, а утром вставать в шесть, чтобы в одиннадцать позавтракать уже в Сиене. После чего, "отстучав" пять лекций в университете, доползти, наконец, до дома и до чашки кофе перед сном.

– Слушаю вас.

– Знаете, иногда я вижу такие сны...

Как ни жаль, но Доменик совершенно не была расположена в эту позднюю минуту анализировать чей-то сон. Ей хотелось только одного – как можно скорее добраться до своего.

– Мы все иногда что-то видим. Прошу прощения, я не занимаюсь частной практикой. Спокойной ночи.

Она покинула телецентр, не зная, что в эту самую минуту в редакции затрещал телефон. Абонент интересовался Доменик.

Глава 2

– При повреждении правовисочной области у больного наблюдаются приступообразные аффекты необъяснимой тревоги и тоски, страха, граничащего с ужасом. Вы обнаружите явные сдвиги и вегетативной системы, то есть покраснения, побледнения, потливость и дрожь. Есть вероятность усложнения состояния пароксизмами ярости. Что, возможно, приведет к развитию деперсонализации и дереализации...

Доменик запнулась, споткнувшись о колючий взгляд дымчато-голубых глаз, неотступно отслеживающих ее гуляние по аудитории. Ничего особенного, глаза как глаза. Если бы она не встретила с ними за сегодняшний день пятый раз. Ровно столько, сколько лекций отчитала.

Слава Богу, эта, в соответствии со стрелками часиков, неотвратимо приближалась к завершению. Как и этот сумасшедший день, пробудившийся ранним утром в Риме, переломившийся в зените в Сиене, и обещающий уже скорый финал – дом во Флоренции. Осталось каких-то семь минут.

Но...

На эти глаза Доменик обратила внимание уже на первой лекции. Они будто приклеились к ней, неотступно сопровождая ее то к столу с компьютером, куда она направлялась каждый раз, чтобы найти нужный файл, то обратно к экрану со спроецированным на нем материалом теоретических выкладок, уже подкрепленных и практикой, то к узким проходам между взбигающимися вверх полукруглыми рядами, переполненных студентами.

Доменик не могла похвастать памятью на лица, тем более тех сотен слушателей, выученных ею за годы работы в университете.

Тем не менее, это лицо она запомнила – худощавое, с неряшливой щетиной, с ямочкой-пуговкой на подбородке, непримиримо сжатыми губами, крупным, со слегка выдающейся горбинкой носом, и... ежистыми глазами под треугольничком густых бровей.

Запомнила вынужденно, поскольку оно преследовало ее сегодня на протяжении всего дня.

Она даже зафиксировала такую мелкую подробность в его привычках, как время от времени вспахивать пальцами, от лба назад, волнистые волосы, не особенно нуждающиеся в тщательной укладке – густые, с проседью, они послушно украшали его голову.

Ему можно было дать лет сорок.

– Ну, что же, всего доброго, мои дорогие. На сегодня все.

Доменик улыбнулась, избегая поедаящего взгляда бесцеремонного незнакомца, нехотя поднявшегося вслед за остальными и вышедшего, не попрощавшись.

Устало присев, наконец, на стул, она подвигала мышкой, закрывая один файл за другим, и, заскользив замочком-змейкой футляра ноутбука, хранившего мысли и разработки последних лет, окинула взглядом аудиторию.

Глаза, поблуждав, притянулись к центру восьмого ряда. Туда, откуда ее высверливал, прямо скажем, не радостный дымчато-голубой "резец" странного слушателя, уже давно расставшегося с бесхитростной (экзамены не в счет) студенческой порой.

Доменик, не вдаваясь, зачем она это делает, поднялась на первую ступеньку лестницы между скамейками, отдыхающих, наконец, от груза носителей знаний, и, поколебавшись, вышла на следующую.

Вот здесь он сидел.

Оглянувшись на дверь в аудиторию – если кто-то войдет, непременно удивится: "Ностальгия заела?" – она присела на край "его" скамейки.

Все как на ладони. И захочешь, не увилишь от полноформатного обзора.

Доменик поспешно встала, успокаивая встревоженные мысли: "Глупости. Просто человек, действительно, не хотел пропустить ничего из того, что я начитывала. Похвально!".

Она не ошиблась. Он не пропустил. В том числе и машину Доменик, вырулившую с университетской стоянки.

Глава 3

Дома ее никто не ждал.

Лудовика, прихватив Спагетти, их премиленькую, способную ненавязчиво просочиться куда угодно таксу, умчалась с друзьями на уикенд.

"Буду к понедельнику. Паста в холодильнике. Не забывай питаться. Целую. Луди".

Записка, прикрепленная миниатюрной подковкой-липучкой к дверце холодильника, как нельзя исчерпывающе рассказывала о дочери, шестнадцатилетней девице, в девять лет учинившей "дворцовый" переворот и взявшей в свои руки управление их маленьким государством. И, в первую очередь, его единственной подданной – вечно куда-то спешащей матерью, на ходу жующей "левые" бутерброды и иногда забывающей в спешке выскочить из тапочек. Так в них и прибывающей на конечную остановку – или в университет, или в клинику, или, и того хуже, на какую-нибудь тусовку типа ученого совета.

Доменик безропотно согласилась на смену руководства, не сопротивляясь диктатуре вышестоящего органа власти, поскольку Лудовика без особых затруднений справлялась с возложенными на себя полномочиями – напомнить матери о ее же дне рождения, дать Высочайшее добро (или не дать) на цвет губной помады, успеть вовремя подsunуть мамmine¹ суп-пюре (все прочие блюда откладывались на "потом").

Они остались вдвоем, когда Луди еще не было и трех лет. Доменик тогда было двадцать один.

Подрабатывая в госпитале, она одновременно заканчивала третий год обучения на степень бакалавра в Падуе, где ею и заинтересовался когда-то ведущий профессор кафедры клинической психологии.

Позже Таддео, увлекшись очередной романтической студенткой – Доменик в свое время пережила тот же статус, случайно для ее поклонника перескочившего в "жену" – объявил о своем уходе:

– Не думаю, что у тебя будут ко мне претензии. И ты справишься. Дом, машина, кругленькая сумма в банке для Лудовики – этого достаточно, чтобы вы не напоминали мне о себе. Идет?

Конечно, "идет". Вопрос – куда "идет"? Ведь малышка требовала все больше внимания.

Но останавливать мужа не имело смысла. Хотя бы потому, что последние месяцы перед уходом он наличествовал в доме чисто номинально. Иногда заезжал порыться в своей многотомной библиотеке, увозя в новое пристанище кипу нужной ему для работы литературы, или перебрать скудеющий раз от раза гардероб, постепенно переселяющийся в чей-то шкаф.

Доменик справилась. Без напоминаний о себе и без предъявлений претензий кукушке-мужу.

Дом явно скучал по Лудовике и по пронырливой Спагетти, успевающей с радостным повизгиванием отметиться почти одновременно в давно насиженных местах – на коленях у Доменик, в ее платяном шкафу, научившись просовывать острый нос в узкую расщелину между неплотно прикрытыми дверцами, на диванных подушках, умудряясь по длине соответствовать всем трем сразу.

Вместо привычного слухового и зрительного бедлама, учиняемого бесконечными телефонными беседами Лудовики с ее многочисленными приятелями (время суток в расчет не берется) или прочно обосновавшимися в комнате дочери "рэпа", "рока", "металла" и прочих, не поддающихся звукоизоляции, музыкальных шумов, сдобренных вездесущей суетливостью Спагетти, ее встретили пустая тишина и немая темнота.

¹ Мамочка (итал.)

Ужинать не хотелось.

Доменик сварила кофе и забралась с ногами в кресло, получая несказанное удовольствие от возможности не сверяться с часиками, чтобы куда-то не опоздать, не заглядывать в телефон, проверяя пропущенные звонки, и просто не...

Она прислушалась..., показалось? Или..., действительно, шорох?

Глава 4

Вернув чашку на столик, Доменик всунула ноги в тапочки: "Проверю-ка я на ночь задвижки и защелки. Может, сквозняк?"

Ну, конечно. Штора над приподнятой створкой кухонного окна вздымалась, подталкиваемая ветром.

Доменик озадаченно покачала головой: "Как же я не заметила? Вот и заснула бы – заходите все, кому негде переночевать. Не похоже на Луди. Чтобы она забыла закрыть окно? А, впрочем..., в суете еще и не то забудешь".

Взглянув на всякий случай на щеколду и второго окна, Доменик пригладила успокоившуюся штору и, погасив свет, вновь уединилась с уже остывшим кофе.

Прошелкав с десятков телеканалов, и, так и не определившись с тем, что бы могло заинтересовать ее душу и мозги, она набрала номер телефона дочери, немедленно отозвавшейся:

– Я не стала звонить, подумала, что ты уже спишь. У меня все в порядке. Как ты? Устала? Спагетти, уймись. Ну, кому сказала? Мам?

– Да, милая, иду спать. Вымоталась до чертиков. Ты с кем?

– Все с теми же. Азелия с другом, Дженнаро с подружкой, и... Мартино.

– А это кто?

– Ну..., ты не знаешь. Познакомлю. Ладно. Спи. Не волнуйся. У меня батарейка на пределе, так что, если отключусь, не дергайся. Все нормально. Целую.

– Целую, малышка. Хорошего отдыха.

В этом вся Лудовика. Минимум информации, максимум краткости.

Доменик запоздало вспомнила о приподнятой створке окна, но передумала перезванивать – если батарейка на исходе, лучше побережь ее на еще один, более существенный звонок. Если такой, не дай Бог, понадобится.

Опустив чашку с остатками кофе в раковину – завтра выходной, будет чем заняться – она поднялась в спальню и, загрузив пакеты для белья всем, что было на ней в эти два дня, задвинула за собой дверку душевой.

"My house is my castle². Воистину так", – Доменик, отдаваясь упруго бьющим струям почти кипящей воды, буквально кожей чувствовала, как слой за слоем с нее смывается и вчерашняя телеведущая с ее смешной программой "Завеса тайны", наивно полагающей, что сия миссия – в одночасье сорвать эту самую завесу с любой загадки Вселенной – по плечу именно ей, и утомительный почти четырехчасовой маршрут Рим-Сиена, и безостановочная лекционная говорильня, и... терзающие глаза этого вечного студента.

Отмерив колпачком нужное количество шампуня, Доменик, мягко массируя высвободившиеся от заколок волосы, старательно изгоняла и почему-то не желающие успокаиваться под ними мысли.

"Что-то я заиклилась не на шутку. Не пора ли на отдых, старушка? Попрошу на пару тройку дней отпуск. И с Лудовикой к Ирене. От всех подальше".

Мысли, сдавшись, испарились под напором обжигающих струй, не справившихся, однако, с его взглядом, застрявшим в памяти.

Взглядом тех же глаз, расплавляющим кабинку душевой с другой ее стороны и потому не смущающим Доменик.

По причине ее неведения об этом.

² Мой дом – моя крепость (англ.)

Глава 5

Накрутив на голову внушительных размеров полотенечную чалму и укутавшись в банный халат, Доменик подседа к зеркалу, застеклившему полстены спальни.

Качество кожи – подтянутой, без единой складочки – пока еще не отвечало стандартам бальзаковского возраста, несмотря на напряженный ритм будней и душевные убытки, понесенные от крайне неосторожного обращения с ее душой некоторых двуногих, вероятно, не подозревающих о наличии таковой.

Доменик ровненько нанесла на лицо тонкий слой ночного крема, бережно простучала пальчиками под нижними веками ее гордости – лодочкой уплывающих к вискам шоколадно-карих глаз, борясь с пока еще несуществующими морщинками. И, поставив оценку одиннадцать из десяти особе по ту сторону зеркала за качество отображения той, что жила по эту сторону, подмигнула ей.

Размотав чалму и утонув в пижаме, она, с чувством глубокого удовлетворения от контакта с постельными принадлежностями, дернула шнурок ночной лампы, погрузив спальню, а вместе с ней и дом, в густую темноту ночи.

Но заснула не сразу, несмотря на слипающиеся от усталости глаза.

Напряжение не только этой недели, чудом добравшейся до призрачной с высоты понедельника пятницы, после которой стопроцентно, без вариантов, всегда приходила отсыпная суббота, но и последних месяцев, сжавшихся в один долгий бесконечный беличий бег по кругу – лабораторные исследования, лекционные аудитории не только в пределах Италии, консультирование в клинике плюс нескончаемые заседания кафедры – добило, как оказалось, иссякаемую энергию Доменик.

Не хватало даже минуты пообщаться с дочерью, к счастью, а, может, к сожалению, не жалующейся на второплановость. Вот и о каком-то Мартино ей всего лишь упомянули в мимолетном телефонном разговоре.

Но она не в состоянии была изменить сложившийся распорядок жизни их маленькой семьи. Во всяком случае, на ближайший год, обещающий, наконец, так долго ожидаемые подвижки.

Из многих направлений клинической психологии Доменик, уверенная в собственном потенциале разобраться, наконец, в механизмах связи мозга и поведения человека, выбрала когда-то нейропсихологию.

Но, в дальнейшем, все подробнее исследуя факторы, влияющие на нарушения психической деятельности, и прослеживая закономерности распада психики, сузила искомое направление до "поднаправления" – изучение того блока мозга, который заботится за сохранность информации о событиях и ощущениях, случившихся в жизни человека.

Непочатый край работы. Если еще учесть попутные "маленькие" открытия, сопутствующие любым исследованиям, вроде обнаружения в мозге процессов структуризации в виде голографических образований всего того, что человек нажил на протяжении жизни.

От разворачивающейся перспективы дух захватывало – вытащить на монитор извлеченную из глубинных ячеек памяти информацию, собранную годами и дотошно закодированную мозгом! На реализацию задуманного ушли годы, и, вот, наконец...

"Нобелевка" зажглась яркой звездой на небосклоне их лаборатории. Осталась самая малость – еще и еще раз подтвердить полученные результаты, весьма недвусмысленно заявившие и о наступлении эры разгадки природы сновидений, как отголоска блужданий по временным потокам того, что когда-то называли "душой".

О чем Доменик осторожно и намекнула в телестудии.

И именно сновидения сегодня ночью отказались сотрудничать с ней, провалившейся, наконец, в глубины собственного бессознательного без продуцирования картинок из ее прошлой жизни.

Как и настоящей, в которой чья-то тень скользнула к ее кровати.

Глава 6

"Что за черт?" – вопрос в буквальном смысле завис на языке, внезапно онемевшем и неповоротливым.

Доменик, ничего не соображая со сна, грубо прерванного непонятным дискомфортом во всем теле, включая язык, беспомощно жмурилась от яркого света, бьющего ей прямо в лицо.

За раздражающе слепящим лучом невесть откуда взявшегося фонаря темнился смутный силуэт кого-то в кресле напротив.

Доменик понадобилась еще пара секунд, чтобы окончательно проснуться и понять, что она уже не спит.

Первый рефлекторный позыв вполне соответствовал ситуации – вскочить и опрометью броситься куда-нибудь подальше от этой мрачной тени.

Но вскочить не просто не получилось, а, к ее непомерному удивлению, тело, несмотря на взбудоражено посылаемые мозгом импульсы к самосохранению, никуда не сдвинулось ни на йоту.

Более того, локализация тела распространялась и на рот, надежно закупоренного липучкой, больно растягивающей губы.

Доменик, протестуя, замычала, бессильная что-либо понять и предпринять. Паника, обрушившись на растерявшееся сознание, накрыла с головой, разбросав барахтающиеся мысли и сжав булькающее сердце, грозя его раздавить.

"Что происходит? Кто это? Где Луди?"

Имя дочери потрянуло по натянутым до предела нервам, растормошив проверенный веками материнский инстинкт. Она, безразличная к боли, забилась в стягивающих веревках, унявшись только после приструнившего ее воспоминания – Лудовика не дома! Слава Богу, не дома!

– Доменик Фалльо. Вы единственная, кто мне может помочь.

Доменик застыла, напряженно вслушиваясь в резковатый баритон. Раздражающий луч фонаря упрямо целился в нее, блокируя видимость за ним.

– Это вынужденное насилие над вами. В целях вашей же безопасности, чтобы вы не надевали глупостей. Я развяжу вас только после того, как вы скажете мне "да". В случае отказа я вас убью.

Он произнес это с такой легкостью, будто всего-навсего приглашал ее поужинать с ним.

– Хотя... я уже даже начал сомневаться, а нужно ли мне ваше "да".

Доменик вдруг заподозрила, что она всего лишь сошла с ума и галлюционирует, снедаемая дремлющей в ней, а потому не опознанной вовремя манией преследования. А что, вполне возможно. Разве можно так загонять себя работой, как у нее это происходит уже в течение... даже и неизвестно какого времени. Вот и получила... результат.

А некто продолжал размышлять вслух:

– Может, достаточно вас сжечь и... все?

Он, что, советуется с ней?

– Неплохая мысль. Если не будет вас здесь, может, не будет и там?

Нет, это не она сумасшедшая. Факт, подтверждаемый ежесекундно не ее бредом, а домашнему расположившегося напротив безумца.

Доменик попыталась просунуть неповоротливый язык сквозь плотно сцепленные губы с целью высказать маньяку (вот только ей его и не хватало) свое отношение к происходящему, но тут же отказалась от этой бесперспективной попытки.

Как ни странно, но голова несколько прояснилась в свете данных, изложенных без сомнения душевнобольным визитером: "Как он сюда пробрался? А-а, окно. Он влез через окно. Если

бы я позвонила Луди... И что он хочет? Он хочет меня всего-навсего убить. С чего бы? А, может, это один из больных, с кем я работала когда-то? А голос? Не помню его".

Незнакомец поднялся.

"Все. Он принял решение. Господи, да что же это? Что это за напасть?".

Доменик приподняла голову, и, бесполезно уклоняясь от безжалостного прожектора, силилась проследить за "гостем". Собственно, ей ничего и не оставалось делать, как только проследивать раскручивающийся перед ней ужас. Ладно бы, только перед ней, а то ведь с ней в главной роли.

Неутешительной роли жертвы.

Глава 7

Фонарь погас.

Глаза от напряженного всматривания в непроглядную темноту (он занавесил шторы?) заломило, и Доменик устало опустилась на подушку, до звона в ушах вслушиваясь в то, что делается впереди.

Но уже не впереди. Она уловила движение слева, и ее догадка тут же подтвердилась – он бродил где-то в метре от нее, наткнувшись на тапочки. Шаги глушил ковер, подогнанный под размеры спальни и не оставляющий шансов зафиксировать перемещения социопата, живущего в своем, им же самым выдуманном мире, где и ей почему-то нашлось место. И страдающего в добавок маниакальной шизофренией.

В том, что он как раз из этой серии "комиксов", Доменик уже не сомневалась – холодный расчет, не разбавленный эмоциями теплых тонов, бесстрастное равнодушие к боли и страданиям (включая душевные) ближнего, педантичное исполнение затеянного без учета последствий.

Добравшись до столь печальных выводов, она зафиксировала и полученный в результате обдумывания имеющейся картины букет сопутствующих обстоятельствам синдромов – тело сотрясала противная дрожь, сопровождавшаяся липким холодным потом.

От безысходности никак не выходило мобилизоваться и прислушаться к голосу разума – этот негодяй не посмеет что-либо сотворить с ней без того, чтобы не поглумиться напоследок. Так уж у них, у социопатов, заведено.

Он сделает это хотя бы потому, чтобы поразвлечься, наблюдая за ее реакцией. Мучить, так уж по полной программе. И вот тогда Доменик обязана будет вставить ее последнее красноречивое слово для, хотя бы, оттягивания неминуемого приговора.

Но пока...

– Я изучал вас эти два дня. Вчера и сегодня. Не мог поверить, что вы на самом деле есть.

Он шуршал чем-то почти рядом.

Воображение Доменик, подогретое беспросветной чернотой, предавшим ее телом и уже предсказуемым поведением злоумышленника, вмиг услужливо нарисовало возможные варианты развития их взаимоотношений, где именно ей, независимо от вариантов, отводилась "почетная" миссия завершить их милое общение.

"Моя маленькая Лудовика, как же ты перенесешь это?", – мысль о дочери вновь влила силы, и она, напрягшись... застонала от боли. Веревки раскаленными проволочками врезались в тело.

– Тихо, тихо. Не спешите. Еще не время.

Он, наконец, нашел то, что искал – свет ночной лампы уютно позолотил спальню.

Присев на корточки и попав таким образом в поле ее измученного зрения, насмешливо подмигнул ей.

Если бы перед ней ожила мумия фараона Тутмоса Второго (о Первом у нее было мало сведений), Доменик, без сомнения, испытала бы непередаваемые ощущения, как любой нормальный человек, но в гораздо меньшей степени, опознав на расстоянии вытянутой руки от себя... все те же дымчато-голубые глаза, безразличные к ее перепуганному дыханию.

Так вот оно что!

Он следил за ней все это время. Все это время. С когда? Ах, да, сегодня и вчера. Так все началось в Риме. Где в Риме? Где он мог увязаться за ней? Если с утра и до четырех часов она не покидала отель, скучая на внеплановой конференции, обещавшей много, но не давшей, по сути, ничего.

А, потом..., она вышла, наконец, но только для того, чтобы заскочить в присланное за ней такси, примчавшее ее в телецентр для участия в уже плановой, но не менее скучной телепередаче.

Так, где?

– Не тужьтесь, – "вечный студент" усмехнулся, будто догадался, чем занята ее голова, – для меня вы такая же неожиданность, как и я для вас. Ну, что? Поговорим? Моргните мне, если согласны. Если нет, то...

Доменик поспешно зажмурилась, тут же открыв глаза и вновь встретив его издевательский взгляд.

– О'кей...

Он встал и рывком стянул с себя свитер, обнажив... тощее, до отвращения обожженное, тело.

Глава 8

– Как вы думаете, что это?

Если бы у Доменик и была возможность ответить, вряд ли бы она воспользовалась этой возможностью – представленная на обозрение "накожная живопись" вызывала тошноту беспощадной откровенностью.

Несомненно, это ожог. Вперемешку первой и второй степени. Местами кожа всего лишь покраснела и отекала, но кое-где пузырилась пылающе багровыми волдырями, частью уже лопнувшими и слезающимися сочащейся жидкостью.

Доменик отвернулась. Он еще и мазохист плюс ко всему. Надежда на иной разворот событий, нежели уготованный, таяла с каждой секундой. Если он так издевается над собой, что о ней говорить. Вот почему первым в его списке из упомянутых им способов ее "ликвидации" стояло сожжение. Профессионал, видимо.

– Да нет, уважаемая сеньора, глазки на меня, пожалуйста. Ну?

В его голосе впервые прозвучала живая интонация, правда, не предвещающая изменений к лучшему, а, напротив, обещающая все муки ада.

Нашедшие, наконец, выход слезы поползли по щеке: "Что за бред? Что он хочет от меня, в конце концов?"

Она ни в коем случае не хотела разжалобить убийцу, понимая, что этот прием в данном случае не пройдет.

Скорее, еще более взбодрит его, а, может, и ускорит события.

Но слезы, не слушаясь, уже резвее съезжали на подушку, зля ее.

– Вы плачете? Что вас так огорчило?

Он, определенно, насмеялся над ней.

И Доменик, вдруг, успокоилась, разозлившись уже на него: "Подонки! Я еще должна его и пожалеть. Мразь!"

– Вот это, – он ткнул в расплывшееся розоватое пятно на правой ключице, – появилось неделю назад, а это, – палец переместился к пупку, где алел, скукоженный по краям, прорвавшийся волдырь, – два дня назад. Разницу видите?

"Сходи к врачу, идиот. Я не специалист по травмам подобного рода", – Доменик с нескрываемой ненавистью перевела взгляд с изуродованного тела на глаза погорельца, ответившие ей тем же.

– И это еще не все.

Его голос обогатился еще одной интонацией, не знающей снисхождения.

Он, не отпуская ее глаза, в кучку собравшие все возможные проклятья в его адрес, не спеша расстегнул джинсы.

"Ну-ну, верхом не ограничимся. У нас есть еще нечто из нижних запасов – на закуску".

Это "нечто" во всей красе предстало перед ней ровно через секунду – те же ожоги, усыпавшие худые мускулистые ноги.

– Нравится? Здесь, – маньяк коснулся паха, – пока чисто. Иначе мы не беседовали бы сейчас с вами так мирно.

"Господи, да я-то тут при чем?", – Доменик разобрала ярость. В чем он ее обвиняет? И что там творится в его помутневшей голове?

Вот, кстати, то, над чем она должна сейчас подумать. От переживаний толку никакого. Только сбивают. Надо понять источник проблемы и рулить оттуда.

Он будто читал ее мысли:

– Вы виновница того, что со мной происходит.

Глава 9

Все ясно.

То, что она и предполагала – параноидная психопатия.

Диагноз – хуже не бывает. Маньяк не только не допустит ее вмешательства в разработанный план действий, но не позволит и себе изменить его.

Он никогда ничего не делает по прихоти, импульсивно, просто так. Все проговоренное им имеет намерение и цель. Всегда. Чего бы это не касалось.

Мотив – самоутверждение. Или защита. Но в любом случае, этот сукин сын тщательно продумывает свое поведение. До мельчайших подробностей.

Но, что самое неприятное и... опасное, это отсутствие у параноиков пассивных или мягких аффектов. Им не знакомы сентиментальные чувства. Напротив, их "конек" – высокий уровень агрессивности, возвращенный склонностью к физическому садизму. И это "понятно". Он, несчастный, живет с осознанием постоянной угрозы от кого бы то ни было. А, поэтому, вынужден защищаться. Тоже от кого бы то ни было и от всех подряд. Активно защищаться.

В данном случае, от нее, Доменик, неизвестно когда и почему внесенной им в черный список "угроз" его безопасности.

Какой напрашивается вывод?

Заняться с ним психотерапией? Выяснить, что стоит за его гневом, и поработать над его скрытыми желаниями?

Доменик покачала головой, отменяя идею – какая тут психотерапия, когда у нее, может быть, остались считанные минуты жизни?

– Да-да, именно вы, – он решил, что это ее ответ на его обвинения, – я не сплю уже больше двух недель. Нет. Буду точнее. Сплю, но урывками. По двадцать минут. Чтобы не сгореть.

Самобытный подход к самосожжению – постепенно, с перерывами на обед.

Правда, в общую картину поставленного ею диагноза, подобный способ самоутверждения – причинение ущерба себе – как-то не вписывался. Наоборот, параноики очень заботятся о своей безопасности. Все усилия направлены как раз на то, чтобы не быть ни больным, ни покалеченным. А, поэтому...

Доменик взглянула на него уже с некоторым налетом заинтересованности, так сказать, с научной точки зрения – "новое слово" в сфере параноидного личностного расстройства?

Жаль, нет времени позаниматься подобным экземпляром.

– Как только я засыпаю, этот проклятый костер тут как тут. И с каждым разом он подбигрывается все ближе. Ближе ко мне. И уже подпаливает меня. Как видите.

Он медленно натягивал на себя одежду, морщась каждый раз, когда ткань касалась ран.

"Понятно. Психосоматический синдром, вызванный болезнью – фобия, будто его кто-то хочет сжечь", – Доменик в который раз пожалела о невозможности более подробно ознакомиться с занимательным, но не в том месте и не в тех условиях объявившимся объектом, без сомнения, увлекательного исследования.

– Я боюсь заснуть, потому что каждый следующий сон это еще один шаг костра мне навстречу... или меня к нему. В конце концов, он убьет меня. По моим подсчетам, осталось три таких сна. А это два-три дня. Больше я не выдержу.

Он вновь опустил в кресло напротив, порывшись внизу в чем-то и небрежно швырнул ей что-то чуть ли не в лицо.

Она вздрогнула. По ее одеревенелому телу в неуместной, согласно ситуации, ярко-желтой с зелеными атласными бантиками, пижаме рассыпались упаковки с таблетками – психотропные стимуляторы всех видов, назначенные ему, видимо, им самим же. Включая новомодный модафинил, активирующий психическую деятельность мозга.

– Но и это уже почти не помогает. Зверски хочу спать. Так что, моя жизнь в ваших руках, – он устало усмехнулся, – как и ваша... в моих.

Глава 10

От его последнего заявления потеплело на душе – у нее есть шанс. Он уже не требует, а просит о помощи. О помощи почему-то именно у нее.

Доменик слегка расслабилась. В душе, опять же, поскольку у тела это не получилось по известной причине:

"Парадокс. Я останусь жива благодаря тому, что приговорена умереть".

Видимо, луч надежды высветился и в глазах Доменик, поскольку от "благожелателя" немедленно последовало разъяснение, притушившее зародившийся оптимизм:

– Я дарю вам эти три дня. Моей и вашей жизни. Как вы собираетесь выкручиваться из этой истории и что будете делать, мне наплевать. Важен итог. И если вы не справитесь, – он бессильно, уже не кривляясь, развел руками, – уж, не обессудьте. Вы сгорите вместе со мной. Это просто как данность. И ничто вам не поможет. Я изолировал дом. И вас вместе с ним, как вы понимаете. Запер все выходы. Отключил телефоны. Вас нет. Ни для кого. Кроме меня.

Сегодня ночь с пятницы на субботу. Доменик взглянула на часы на стене напротив кровати – три часа. В ее распоряжении суббота, воскресенье, пон..., нет, в понедельник возвращается Лудовика. Всего... два дня. Она не успеет. Да и при наличии трех дней не реально вывести его из кризиса. Не говоря уж о полноценном лечении, которое ему необходимо – это приблизительно пять-шесть месяцев. И то, без обещания положительного результата. Слишком уж запущено заболевание. А, если выяснится, что это еще и наследственный подарок, шансов помочь ему почти нет.

Доменик загнанно вздохнула: "Глупо! Как глупо! Глупее не придумать! Все летит к черту. И почему? Только потому, что этот придурок что-то там видит во сне".

– Итак? Ваше "да"? Или...

Он, подавшись вперед, ждал ответ.

"Он не понимает, что мое "да" абсолютно ничего ему

не даст. Хотя... ему не даст. Но мне... Кто знает, что может произойти за эти два дня? А вдруг случится землетрясение..., или... всемирный потоп..., или... внезапное похолодание...".

Она тщетно старалась найти еще хоть что-нибудь, более будничное, нежели вселенский катаклизм, способное поспособствовать ее освобождению. Но... все было против нее. Включая выходные дни, когда о ней никто и не вспомнит – ни в одной из сфер ее деятельности.

Он напомнил о себе:

– Я жду. И готов прождать еще три дня, – он пожал плечами, вдруг горько опустив уголки губ, от чего выражение его лица неожиданно преобразилось.

Перед ней сидел, действительно, потерянный несчастный человек, бесконечно уставший и беспросветно заблудившийся в лабиринте своей болезни.

Нечто, похожее на сочувствие, колыхнулось в сердце, до сей минуты переживающее ее собственные страхи.

Ну, попробовать имеет смысл. Хотя бы для того, чтобы дать ему понять, насколько серьезно его заболевание, и тремя днями здесь не обойтись.

Версия о сожжении его неким мифическим костром сразу была отмечена – обычная фобия, нашедшая самовыражение в соматическом синдроме.

Вероятно, в его далеком и глубоком детстве случился пожар, что и повлияло на отклонение от нормы, все более и активно прогрессирующее. Странно только, почему все-таки он обратился именно к ней...

И тут вдруг в памяти всплыла телеведущая с ее глупой настырностью хоть в чем-то, но подловить ускользающую от прямых ответов Доменик: "Вам не страшно?".

Он узнал о ней из этой программы. Точно. Ну, что же, один-ноль в пользу прозорливой "Мисс", добившейся, пусть несколько и иначе, все-таки своего.

Она моргнула в знак согласия.

Глава 11

– Сейчас потерпите, будет больно, – он рывком отодрал липучку ото рта.

Доменик охнула – будто приложились каленым железом.

– У меня есть одно условие.

"Всего лишь одно? А мне показалось...", – иссушенная стрессом и жаждой, она облизнула онемевшие губы с благоприобретенным привкусом прогорклой синтетики.

– Вы не выходите из этой спальни. Ни под каким предлогом. Все, что вам понадобится, я принесу. Я имею в виду еду, воду, кофе, и не знаю, что вы там еще захотите. Остальное, что нужно для жизни – туалет, душ, одежда – здесь есть.

Распутывая веревки и стараясь по возможности не касаться Доменик, он вежливо попросил ее приподняться в нужных местах: "А как же ты меня обматывал этой дрянью? Не особенно ведь нуждался в разрешении".

Она молча подчинялась, разминая отекавшие пальцы рук. Тело, не веря, пока не реагировало на свободу.

Сматывая веревку во внушительный клубок, он поглядывал на нее сверху вниз и, предупреждая ее порыв пнуть ногой ему в пах и удрать, лениво проговорил:

– Маленькое уточнение. О бегстве даже и не помышляйте. Церемониться с вами не буду. Вы уже догадались, почему. Правда? Позвольте я соберу свои средства первой помощи.

Наклонившись, он горкой сгреб упаковки с лекарством и, задержавшись в положении над ней, придвинулся ближе к ее лицу. Так, что Доменик до мельчайших подробностей изучила и следы изможденной худобы теперь уже ее, навязанного случая, клиента, и накопившейся усталости в воспаленных с лопнувшими покрасневшими сосудиками глазах, и ранние скорбные морщины у губ:

– Разрешите представиться, Валерио.

Он резко выпрямился, и, уже не глядя на нее, швырнул в сумку "боеприпасы". Не обращившись, глухо произнес:

– Переодевайтесь. И... начнем.

– Мне можно зайти в душевую?

Доменик, временно отодвинув мысли о побеге, а, соответственно, и о нанесении увечий ее тюремщику, как необходимой мере на трудном пути к свободе, спустила ноги на пол.

– Можно. Но без фокусов.

Раскрыв дверцы шкафа, взглядом поискала, во что бы такое обрядиться, чтобы не слишком раздражать цветовой гаммой и без того натянутые нервы м-м-м... Валерио, и остановилась на темных, свободного покроя, брюках и бежевой блузке.

– Дверь в душевую желательно не закрывать. Тайну исповеди гарантирую.

Доменик, едва сдерживаясь, чтобы ему, не дай Бог, не нагрубить, уперлась взглядом в его спину и преувеличенно почтительно потребовала:

– Сварите мне пока обещанный кофе. Буду очень признательна. И две ложки сахара. Спасибо.

Она удивлялась самой себе – железное самообладание, ну, разве что сравнимое со стойкостью суперагентов.

Дождавшись, пока он выйдет, Доменик, игнорируя предостережения, подбежала к окнам, но, отдернув шторы, разочарованно пискнула. Все предусмотрел, засранец – стекла надежно защищали металлические жалюзи, привинченные накрепко к деревянной раме. Когда он успел так подготовиться? И как она ничего не услышала? Ответ прозвучал за спиной:

– Ваш кофе. На этот раз без снотворного.

Ах, вот оно что! Пока она бегала по кухне, борясь со "сквозняком", он уже был здесь, поработав над ее чашкой кофе на столике. А, потом, когда заснула...

Доменик, кипя от злости, обернулась:

– Но почему я?

– А вот это вы узнаете, когда разберетесь с моим сном. Заодно станет ясно, способны ли вы вообще что-либо изменить. И, если нет, у меня останется только один выход – избавиться от вас. Возможно, не уверен, но это будет тот самый единственный для меня путь выжить.

Она уточнила:

– Выжить, убив меня?

– Вы правильно меня поняли.

– Но это же абсурд.

– Оставим разборки. Вы сами все поймете... или не поймете.

Глава 12

Доменик загнали в тупик.

Как объяснить этому... Валерио, что все не так просто. У нее нет под рукой ничего для работы – ни электроэнцефалографа для фиксирования деятельности мозга, ни аппарата для измерения давления, ни датчиков, ни осциллографа, то есть, всего того, что позволит сканировать его сновидения и проанализировать их продолжительность, информативность, доминанту, значимость, класс, наконец, и много еще что.

Для себя она уже определилась с теми процессами, которые пережил и переживает этот несчастный. Сон – это просто навязчивая идея, рожденная больным мозгом. На самом деле, все гораздо сложнее – пожар, свидетелем или жертвой которого он стал когда-то, внушил страх повторения страшного события, в свою очередь развившегося в паранойю и вызвавшего вполне реальные следы ожога. "Взлелеянный" им инстинкт самосохранения дал обратный результат. Ну, и пик болезни – он ежесекундно занят поисками того, кто посмеет посягнуть на его жизнь.

И нашел. Ее. Доменик. Вопрос на засыпку, так и не получивший пока ответ – почему именно ее?

– У меня есть к вам ряд вопросов, – Доменик, принявшая душ, переодевшаяся и несколько успокоившаяся (все-таки, и два дня это немало, чтобы что-то придумать для выхода из этой идиотской ситуации), присела в кресло у столика.

Валерио, в двух шагах от нее, опустил на ковер.

– Только без этих ваших психологических штучек. Не терплю словоблудие.

– Тем не менее.

Она помолчала, мысленно формулируя вопрос так, чтобы, Боже сохрани, не задеть его израненную подозрениями психику:

– Какие ассоциации у вас связаны с огнем? Я спрашиваю не о болевых ощущениях.

– С огнем из моего сна?

Да что ж его клинит на этом сне!

– Нет. Просто с огнем. Первое, что приходит на ум, – и, чтобы не злить его, добавила, – о сне поговорим чуть позже.

– Вы хотите убедить меня, что я псих? – он взял быка за рога, – бесполезная трата времени. Еще вопрос?

– М-м-м..., расскажите, хотя бы вкратце, о вашей семье, о наиболее запомнившихся в детстве событиях...

Он нетерпеливо прервал ее:

– Старик Фрейд нам тоже не поможет. Ну, и последний из ваших терапевтических запасов? Я вижу, вы не туда гребете. У меня нет времени на ерунду.

Доменик пригубила кофе: "Выскальзывает как уж. Правда, и не жалит. Пока".

– Вы разговаривали с кем-то о вашей проблеме?

– Нет. Повторяю, с этой, как вы говорите проблемой, можете справиться только вы. Вы ее заварили, вы ее и расхлебывайте. Все? Ну, а теперь о деле.

Валерио размешал гущу из пяти ложек крепчайшего кофе и залпом выпил.

"Может, сердце подсадит? – с надеждой подумала Доменик, – и вопрос решится сам собой".

– Я расскажу вам, что мне снится.

Глава 13

Вокруг голоса. Их много. Десятки, сотни. Они тревожат, раздражают, беспокойным гулом рассказывая о неумолимо надвигающемся нечто.

Страшно болит голова.

Мысли, чувства забились куда-то далеко. Осталась только эта ковыряющаяся в голове боль.

Перед ним помост с педантично выверенными – что сначала, и что потом – охапками подсушенных веток, досок. Всего того, что обещает некое феерическое зрелище.

Взглядом он прирос к обессилено поникшей фигурке в центре помоста.

Она привязана к столбу. Густые пряди распущенных, давно немых волос занавесили лицо. Плечи запятнаны ссадинами и синяками.

Он не может ее вспомнить. Гул голосов режет слух.

Помост окружают люди в черном с зажженными факелами.

Где-то сбоку медленно поднимается чья-то рука, и, словно перебитая, резко опускается вниз, служа сигналом к началу чего-то.

И тут же факелы вонзаются в хворост, мгновенно благодарно брызнувшего искрящимися огненными росинками.

Он силится вспомнить ее лицо. Но боль, вгрызаясь, тут же заявляет о своих правах.

Она жмет к столбу. А ручейки пламени, играючи, но все более разогреваясь, бегут к ее ногам.

Вскинув голову, она находит его глаза.

Дурман в голове вдруг рассеивается, и прашой выпущенная память взрывается криком: "Корделия!!!".

Его зов слышит только он. И... она.

Пробуждение раздавило мозг:

"Нет! Господи милосердный! Нет!".

Миг, молнией соединив их, раскаляется под натиском разъяренного огня, с ненасытным урчанием пожирающего ее тело.

Боль возвращается, подкатив и к сердцу. И изорвав его...

– ... и эта боль – она здесь, здесь, здесь...

Валерио остервенело бил себя по груди и, зарывшись в ладони, вдруг – Доменик даже растерялась – глухо зарыдал, хрипло всхлипывая.

Она вскочила, схватила чашку и уже бросилась было в душевую за водой, как он, поймав ее за ногу, втолкнул обратно в кресло:

– Куда? Я вас ни о чем не просил.

Доменик подчинилась: "Ну, не просил, так не просил.

Утешайся сам".

Валерио, задрав полу свитера, рывком протер лицо и, досадливо морщась, дотянулся до все той же сумки:

– Вот. Посмотрите, – он протянул ей измятые, видно, наспех исчищенные листы, – я попробовал все это нарисовать. Запечатлеть, так сказать, для потомства. Не моего, к сожалению. На свое я уже не успеваю.

Доменик перебирала неопрятные зарисовки буйствующего огня, переданного "художником" весьма умело.

За ним едва виднелась скрюченная фигурка девушки.

И лишь на последнем из набросков он изобразил, вернее, постарался изобразить ее лицо. Схематично, несколькими штрихами, отдав предпочтение глазам.

Доменик, сощурившись, пригляделась. Определенно, знакомые глаза.

Лодочкой уплывающие к вискам.

Глава 14

– Неплохо вы меня разыграли.

Доменик сложила листы в аккуратную стопку – она очень старалась сохранить хладнокровие. Даже голос не дрогнул.

– И это розыгрыш? – он сердито отогнул рукав свитера со свежим следом от ожога.

И тут Доменик прорвало. Жаль, но надо признаться, суперагентура не ее стезя:

– Вы что, и впрямь принимаете меня за идиотку? Позвольте вас разочаровать. Я хочу это увидеть.

– Что увидеть? – Валерио нахмурился, – я же вам показываю. Кажется, с этого я и начал. Со стриптиза, черт возьми.

– Нет, вы меня не поняли. Я хочу увидеть своими собственными глазами ваш... костер.

Она кивнула на представленный очередной аргумент в пользу придуманной им истории. Изощренно придуманной и продуманной. Это надо же, какая фантазия. Ее, Доменик, сжигают на костре во сне какого-то мошенника! А она уже было поверила. Даже диагноз составила. Великий актер! А все для чего? Просто, чтобы... точно!.. та девица из телецентра! И ее "заковыристые" вопросы. А потом она пыталась ей что-то еще и поведать напоследок. И Доменик отмахнулась от нее, не позволив перезвонить.

Более того, как-то уж очень скоренько она свернула свою программу. После чего? После того, как Доменик упомянула о сновидениях в связи со своими исследованиями. Зацепились!

Так они просто хотят вывести секреты ее работы! И подкинуть "бомбочкой" на очередной передаче. Вот, мол, сорвали-таки "завесу"!

И ход, придуманный ими – гениален! Прежде заинтересовать Доменик. Чем можно заинтересовать любого человека как не им самим? Вот и крючок – она собственной персоной в сновидении совершенно незнакомого ей Валерио. А для убедительности пошли даже на "самострел".

По их сценарию, она стопроцентно должна была попасться. А вся эта мишура с угрозами "убить" и "сжечь" понадобилась для нотки трагизма. Разогреть же как-то надо было. Д-а-а, умники и умницы. Нечего сказать.

– Поясните, – он занервничал.

Ну, еще бы! Одно дело забалтывать наивную ученую

тетку всякой ерундой, а, другое – неопровержимыми фактами доказать состоятельность сказанного.

– Вы заснете. А я...

– А вы сбежите. А я, тем временем, самоликвидируюсь. Неплохо придумано.

– Хм, вот об этом я, как раз, и не подумала. К сожалению.

– Нет, уважаемая. Придется вам поверить мне на слово.

– Хорошо. Заприте дверь на ключ и спрячьте его. С окнами вы уже разобрались. Мне некуда будет бежать. Кроме того, я предлагаю вариант сна под душем.

– В каком смысле? – Валерио смешался.

– Вы будете спать под душем. Что непонятно? Если все так, как вы мне тут изложили, и ожог появится, то вода тут же с ним справится. А одного доказательства мне достаточно, чтобы убедиться в правдоподобности вашей истории. После этого я немедленно вас разбужу.

– А если не разбудите? – он почти поддался ее предложению.

– Не сгорите. Вода вас спасет. И, потом, вы что, считаете я допущу пожар в моем доме?

Он приободрился:

– Только с одним условием...

– Нет уж. Теперь я ставлю условия. Если я своими глазами не увижу этот цирк, ни за что не возьмусь размотать этот узел. Не забывайте, я ученый-экспериментатор. Не кабинетная мышь.

Видимо, что-то в ее голосе убедило Валерио принять вызов. Он даже рассмеялся, вмиг утратив маску коварного злодея.

Но Доменик было совсем не весело.

Каков бы ни был результат этого сумасшедшего опыта, каждый из них оставался на своем месте, назначенным не ею.

Он – палач, пусть уже и косвенно. Не пойдет же он, на самом деле, на преступление только потому, что она не "расколется" и не выложит засекреченные лабораторные данные. Но вся эта игра даром для нее не пройдет. Пережитый стресс еще даст о себе знать.

То есть, в любом случае, она – жертва.

Часть вторая

Глава 1

Душевая кабинка в оригинале служила несколько иным целям, нежели быть экспериментальной площадкой для самовозгорающихся подопытных. Вероятно, поэтому и стул из столового гарнитура в стиле эпохи Луи тринадцатого с изящно изогнутыми ножками, не привыкший к навязанной ему функции – мокнуть под струями воды – весьма отдаленно вписывался в предложенную композицию.

Повертев его и так, и сяк, Доменик нашла, наконец, несмотря на сопротивления "Луи", наиболее удобную, соответствующую замыслу, позицию, пристроив его точно под грибочек душевой лейки. Ей, вкуче с кабинкой и стулом, отводилась тоже не совсем та миссия, к которой ее готовили проектировщики – в данном случае она исполняла весьма ответственную роль огнетушителя в прямом смысле.

Еще раз окинув взглядом "ящик Скиннера", Доменик пришла к выводу, что с помощью примитивных подручных средств сумела создать все необходимые условия для успешного проведения задуманного испытания.

Осталось лишь прибрать полотенца и коврики, дабы не замочить их фонтаном брызг, как вынужденной составляющей предстоящего опыта.

Кажется, все в порядке.

Хотя, нет. Она не могла предугадать поведение Валерио во время сна, поэтому все баночки, бутылочки, мочалочки и прочие лишние в данном случае мелочи пришлось собрать и временно перебазировать в шкафчики. – Я готов.

Валерио явился на пороге душевой. О, Боже! Без слез не взглянешь – лепрозорий отдыхает. И на чем только держались его плавки!

Тело, усеянное ранами и измученное регулярным (по его словам) недосыпом, не просто нуждалось, а настоятельно требовало обильного питания и немедленной госпитализации для длительного лечения.

Доменик поспешно перевела взгляд на великолепного "Луи" – глаза требовали отдыха на чем-то более эстетичном.

Она до упора раздвинула дверцы кабинки:

– Я тоже. Прошу вас. Устраивайтесь так, чтобы вам было... м-м-м... комфортно и удобно. Я понимаю, что положение лежа вас устроило бы больше, но... если бы я заранее была предупреждена о вашем визите, непременно бы пристроила джакузи. Так что... Ну, как? Все нормально? Ничего не мешает? Вас ничто не должно стеснять, чтобы заснуть спокойно.

Несмотря на некоторую долю сарказма в голосе, все-таки, червячок сомнения прогрыз крохотную дырочку в ее уверенности в существовании этого дешевого заговора против нее. Слишком уж быстро Валерио согласился на ее предложение. Он, в соответствии с "легендой", должен был бы проявить активное нежелание сотрудничества и настаивать на сфабрикованной кем-то линии поведения социопата, жаждущего компенсации за, якобы, регулярное появление Доменик в его сновидениях.

И, она, спасая свою жизнь и жизнь дочери, бросилась бы искать причины подобной неразберихи, используя разработанные ею методы диагностики.

Правда, аппаратура ей все-таки понадобилась бы. Как же они это не учли?

Вот и еще один аргумент в его пользу. Если бы это был преступный заговор, ее заперли бы в лаборатории, а не дома. Тем более что зачастую она засиживалась там до полуночи. И

им не понадобилось бы этих трех дней. Для кражи информации достаточно одной ночи. Даже меньше, умеючи.

И тут Доменик словно окатили ледяной водой: "Неужели они пронюхали о "паучке"? ...".

– Вы, что, смеетесь? – Валерио раздраженно цеплялся к каждому ее слову, – если бы я имел возможность, как вы говорите, "спокойно заснуть", мне не помешало бы и положение стоя с открытыми глазами на шумном перекрестке.

"Нет. Вряд ли. Тогда бы он не изображал из себя клоуна с этой идиотской сказкой о сне, а пытал бы меня до посинения, моего посинения, естественно, чтобы залезть в тайник".

Она изобразила на лице максимум участия, что далось ей не легко на фоне мелькнувшей догадки:

– Тем более. Сейчас вам предоставляется улучшенный вариант этой возможности – сидя, при закрытых глазах и без шумного перекрестка. Я проконтролирую ситуацию, не волнуйтесь. Так что, спокойной ночи.

Валерио настроил подходящую ему температуру воды и отрегулировал мощность потока, морщась от колких струй воды, забарабанивших миллионом молоточков по телу.

Брызги, как и предполагала Доменик, тут же оросили пол и стены душевой, ручейками скатываясь с ее дождевика, предусмотрительно наброшенного на плечи.

Валерио поерзал на стуле, пристраиваясь таким образом, чтобы ни один дюйм его тела не остался не охваченным спасительным водопадом.

– Предупреждаю, я...

– Да спите уже, – насмешливо прервала его Доменик, – или вам спеть о красивой юной розе³? Я не сбегу. Вы уж постарались. Кроме того, теперь уже на мне ответственность за вашу жизнь. И я более лояльна в этом смысле. Всего лишь сообщу в полицию об инциденте. Молчите! И спать!

³ Колыбельная

Глава 2

Он заснул мгновенно.

Несмотря на бьющие тугие струи воды, на яркий свет ламп, на бдительную подозрительность относительно обещания Доменик охранять его во время сна.

Она же с любопытством, куда затесалась вдруг и капля сострадания, его рассматривала.

Если бы не болезненная гротескная худоба анорексика с выступившими с жестокой откровенностью анатомическими подробностями скелета, он вполне соответствовал бы стандартному эталону мужской привлекательности – высокий, пропорционально развитый, с длинными стройными ногами, уже не слушающихся его и сползших за пределы кабинки.

Но... "мяса" явно не хватало.

Да и лицо – мужественности не отнять, несмотря на выступившую вдруг беззащитность прежде твердокаменно сжатых губ и напряженно прыгающих скул.

В голове Доменик, конечно же, плутала мысль связать его теми же веревками, сполна прочувствованными ее телом, выключить эту глупую воду и, растолкав его, применить к нему те же садистские методы угроз с требованиями выдачи ключа. Да, даже, если бы он отказался стать благоразумным, два дня уж как-нибудь она пережила бы в его обществе. У Лудовики есть свой ключ.

Но..., если кто-то и проболтался о "паучке", почему, все-таки, он согласился на этот дурацкий опыт?

А, может, он вовсе и не спит? И подглядывает сейчас за ней, дожидаясь, когда она устанет надзирать над ним и задремлет. И тут же причинит себе очередное увечье, якобы, проснувшись от боли.

Доменик поежилась – уж очень кроваво.

Вода беспощадно хлестала истерзанное тело, но он никак не реагировал на искусственно созданное неудобство, продолжая безмятежно похрапывать под ее пристально-недоверчивым взглядом.

Накинув на голову капюшон, Доменик, поколебавшись, коснулась его бессильно повисшей руки. Никакого отклика.

А, может, он, действительно, болен? И ему просто-напросто негде жить? И весь этот убийственный маскарад, рассчитанный на слабонервных, всего лишь для того, чтобы, наконец-то, отоспаться где-то под крышей? Поэтому он и не сопротивлялся ее предложению. Пусть и под водой, зато в доме, где, может, потом и накормят.

Но это же бред. В конце концов, полно в городе дешевых гостиниц, а, чтобы купить булочку и стакан чая, не требуется заработок программиста.

Он, что? Нищий? Надо посмотреть, что у него в сумке. Может, там и ответ?

Доменик развернулась, повесила дождевик на крючок для полотенец и направилась в спальню.

Его потрепанная сумка сиротливо дожидалась хозяина у кресла.

Веревка, фонарь, пачки таблеток, сигареты.

Доменик нерешительно дотронулась до портмоне. Вправе ли она рыться в чужих вещах, а, тем более, в документах? С другой стороны, а, вправе ли он был забираться в чужой дом, более того, угрожать жизни хозяйке дома?

Отбросив ложное чувство стыда, Доменик расстегнула портмоне.

Итак: "Валерио Кастальди – впечатляет, если верить только слуху. Сорок два года – прекрасный возраст для авантюриста. Хм, из Рима – ну, что же, *non tutto oro quello che luccica*⁴. Что еще? Не женат и детей нет. Не факт. Как будто одно с другим связано".

Доменик пощупала "денежное" отделение, в отличие от хозяина пухлое. Поколебавшись, отстегнула кнопку. Ого, да здесь тысячи две евро. Значит, не из бедных.

Она задумалась: " Ну, что же, версия с ночлегом отпадает. Тогда, что? Все-таки, заговор?".

Ответ донесся из душевой. Валерио стонал, бессвязно что-то выкрикивая.

⁴ У каждой медали две стороны (итал.)

Глава 3

Доменик не верила своим глазам.

Валерио остервенело метался на стуле, елозя вместе с ним по скользкой напольной плитке и вот-вот норовя с него свалиться.

– Нет..., не-е-т..., пожалуйста..., – он то жалобно всхлипывал, то угрожающе рычал, то в отчаянии покачивался, – ... ты не смеешь так..., Корделия..., не уходи...

– Эй! Что с вами? – Доменик не на шутку испугалась. Но он не слышал ее. Валерио, действительно, спал, не

в силах отмахнуться от того, что мучило его там, по ту сторону перегородки между реальностью и бессознательным.

Торопливо натягивая дождевик, она потянулась закрутить кран и прервать ночной кошмар ее "гостя", но... рука замерла на взлете.

На правом плече Валерио несмотря на плотный водяной поток, затушивший бы не просто искру, а и справившийся бы с очагом возгорания более внушительных масштабов, вспыхнуло, багровея и вздуваясь, маленькое пятнышко, штопором буравящее тело и рвано раздирающее кожу.

А вот еще одно, и еще...

Доменик, охнув, отшатнулась, рефлекторно ища тот самый фитилек, незримо поджигающий несчастного.

Валерио застонал сквозь сжатые зубы, и, дернувшись, грохнулся с "Луи", не выдержавшего учиненной над ним экзекуции и в знак протеста потерявшего одну из изогнутых ножек.

Удар, видимо, был довольно ощутимым. Он моментально проснулся, отплевываясь от заливающей рот воды и кривясь от боли.

– Уб... уберите воду, что стоите столбом?

Его окрик отрезвил Доменик, и она поспешно кинулась прервать водоизвержение, пролившееся напоследок еще парой капель на Валерио, и без того пропитавшегося, казалось, водой до костей.

– Полотенце. Дайте полотенце и принесите мне мою одежду.

Она послушно выполнила и это, забыв впопыхах снять дождевик, наследивший на ковре.

– Вот. Пожалуйста.

Доменик протянула ему требуемое, не отрываясь взглядом от зловещих пузырящихся пятен.

"Откуда? Господи! Откуда? Как такое может быть? Никакой подставы. Они появились прямо у меня на глазах. Могу поклясться", – она с трудом соображала.

– Вы желаете соприсутствовать при переодевании? Так сказать, бонус к увиденному?

Покряхтывая, Валерио осторожно промокнул воспаленную кожу, отбросил полотенце и потянул плавки вниз, что и заставило Доменик, наконец, оценить ситуацию адекватно и юркнуть в спальню.

Пока он возился в душевой, она допила уже холодный кофе, выискивая объяснение случившемуся: "Спокойно. Да, это ожог. Все очень просто. Ожог, внушенный бессознательным конфликтом, пережитым когда-то и не нашедшим положительное решение. Или оставшимся совсем без решения. И в результате полученного стресса иммунная система дала сбой. Да, скорее всего. Тогда почему не последовала реакция на воду? Как будто ее и не...".

– Ну, что? Убедились? Или нужно в повторе?

Он прислонился к косяку двери в душевую.

– Расскажите, что вы видели в этот раз, – Доменик поставила чашку на стол, почему-то боясь встретиться с ним взглядом. Она чувствовала себя круглой душой.

– Играл в песочнице с королем Артуром. Вы все еще думаете, что я фокусник-виртуоз?... Все то же самое. Только гораздо ближе. Еще пару шагов, и меня втянуло бы туда. Если бы не ваш стул.

Доменик нервничала, не в состоянии отмахнуться от видения вспыхивающей на пустом месте кожи.

– Когда, вы говорите, у вас впервые это появилось?

– Больше двух недель назад. А, точнее, двух с половиной.

Валерио вновь уселся напротив нее, но на этот раз его вид вызывал не просто сочувствие, а сжимающую душу жалость – глаза впали, нос заострился, болезненная бледность вполне могла посоперничать с естественным цветом лица покойника.

Она опустила глаза, боясь выдать себя, и сконцентрировалась на изучении крошечной щербинки на подлокотнике кресла: "Нет. Всему есть объяснение".

– Предшествовала ли этому какая-то стрессовая ситуация в вашей жизни, после чего вам потребовалась помощь? Не важно, чья. Психологическая, врачебная, дружеская.

Его ответ отвлек Доменик от созерцания щербинки, ушедшей по значимости далеко на задний план – Валерио зло рассмеялся:

– И ту, и другую, и третью оказал себе сам. После того, как... погиб мой пес. Зачем вам это?

Доменик подалась вперед:

– Вопросы я задаю. И не от нечего делать. Будьте любезны отвечать. Вернемся к вашему псу. Можно подробнее?

Валерио, помрачнел:

– ... я нашел его на свалке. Кто-то поиздевался над щенком и выбросил. Я подобрал. Двенадцать лет назад. Выходил и не расстался с ним, даже когда надо было уехать на год из Италии. Ну, короче... Месяц назад Биг заболел. Бешенством. И... я сам его...

Он замолчал, борясь с севшим голосом, сиплостью подсказавшего, что он переживал в этот момент.

– Вы убили его?

Доменик видела, насколько ему тяжело вспоминать случившуюся трагедию, но только на предельно ясные и четкие вопросы, пусть и беспощадные, она могла получить того же качества ответы.

– Да, – Валерио встал за сигаретами, – у вас курят?

– Вам можно. Как вы это сделали?

Он довольно долго молчал, и лишь с последней затяжкой, сминая "бычок" сигареты в импровизированной пепельнице-колпачке от микстурной бутылки, ответил:

– Застрелил. А... потом сжег.

Глава 4

Близилося утро.

А Валерио все говорил и говорил, вспоминая хвостатого друга.

И как он таскал его по ветеринарам, сочувственно разводящих руками: "Не жилец", пока не нашел того, кто согласился взяться за то месиво, что представлял собой щенок на тот момент.

И как однажды пес спас его, вытащив из взорвавшегося вскоре автомобиля.

И их поездку в Альпы, когда Биг, соревнуясь на скорость с несущимся вниз лыжником – поначалу он не сразу опознал в устрашающем снаряжении Валерио – повизгивая и кувыркаясь, добирался какими-то только ему известными окольными путями до конечной точки трассы и, невинно повиливая пушистым хвостом, приветствовал проигравшего.

И о дружбе пса с соседской кошкой, невозможной кокеткой, лениво пластующейся на подоконнике именно тогда, когда Биг крутился во дворе.

И...

Валерио привычным жестом вспахал волосы и буквально проткнул Доменик взглядом:

– Зачем вам все это? Это к делу не относится. Мы зря теряем время.

– Сделайте-ка мне еще кофе. И себе. И сообразите пару бутербродов. Завтрак на носу. А, что имеет отношение к делу и что нет, решу я.

Пока он ушел на задание, Доменик ополоснула лицо, освежив на какое-то время голову, поправила волосы и, вернувшись в кресло, задумалась, перебирая полученные данные: "Все-таки я права. В этом уже нет сомнения. Эмоциональный стресс, вызванный гибелью Бига и непосредственным участием Валерио в смерти собаки, пошатнул его иммунитет. И сон это как ретроактивный посыл памяти. Вопрос в другом, каким образом я замешана в этой истории?".

– Это все, что я нашел в холодильнике.

Валерио опустил на столик поднос с двумя чашками

кофе, тарелочкой с горкой бутербродов и вазу с фруктами.

– Плохо искали. Ну, пока и это сойдет. Присаживайтесь.

На самом деле, ей было не до завтрака – свалившееся на нее "чудо в перьях-ожогах" перекрыло аппетит надолго. И не только внешним видом.

Он тоже удовольствовался только кофе, опять приняв ту же позицию на ковре:

– Вы ждете, чтобы я рассказал вам, как убил Бига?

– И не только. Мне важно, что вы при этом чувствовали. Не протестуйте. Если вы хотите, чтобы мы докопались до причины вашего кошмара, придется потрудиться. Итак?

Валерио, сцепив руки, невидяще уставился перед собой. Желваки на щеках ходили ходуном.

– Началось с малого. Он вяло ел. Отказывался от воды. Потом больше – прятался по темным углам. Перестал выходить. Я подозревал, что это..., и договорился с ветеринаром о встрече. В тот день Биг не подпустил меня к себе. Рычал и отползал все дальше под кровать. А, когда доктор приехал..., он напал на него... У меня не было выхода, – Валерио отвел глаза от невидимой точки, – ну, и... вечером того же дня я его... кремировал...

– Можно подробнее о... последнем?

– К чему вам это? Как это связано с тем, что со мной происходит? Или вы просто тянете время? – Валерио в упор впился в нее взглядом. Его глаза колюче сузились, – если это так, мне придется вернуться к тому, с чего я начал нашу встречу.

– К мысли сжечь меня, как и... Бига?

Это был удар под "дых", но иначе Доменик не смогла бы вытянуть из него нужную информацию.

– Послушайте. Вы. Вам мало того, что вы видели? Надо уничтожить меня и изнутри?

Он вскочил и, шагнув к ней, оперся о подлокотники кресла, взяв, таким образом, Доменик в капкан.

Склонившись чуть не вплотную к ее глазам, Валерио прошипел:

– Когда Биг горел, я горел вместе с ним. Фигурально выражаясь. Я удовлетворил ваше любопытство?

Доменик выдержала его взгляд, пожирающий ее с ненавистью, перемешанной с болью, и как можно спокойнее заключила:

– Не "горел". Горите до сих пор. И не фигурально. Биг лишь катализатор. Того, что с вами произошло в прошлом. Задолго до вашего рождения.

Глава 5

Эта мысль была неожиданна даже для самой Доменик. И она вовсе не собиралась ее озвучивать. Случайно вышло.

Под давлением его безумного, иссушенного страданием, взгляда, нависшего над ней израненного тела и, едва сдерживаемого, но вполне ощутимого желания придушить Доменик в этом кресле.

Она должна была отвлечь его. И отвлекла.

Валерио медленно выпрямился:

– Что? Вы в своем уме? Очередная уловка?

– Почему же? Я как раз работаю сейчас над этим.

Доменик невозмутимо поискала в вазе абрикос.

– Над чем?

Валерио совершенно был сбит с толку, машинально следя за ее пальцами, перебирающими фрукты.

– Над... кладовыми, так сказать, памяти, если проще.

Доменик нашла, наконец, что искала – ровненький, желто-розовый в красных крапинках абрикос.

– Понятно. Тайм аут. Разрешаю вам отдохнуть полчаса. Не предполагал, что на вас все это так подействует.

Доменик, игнорируя его реплику, аккуратно надрезала фрукт, скovyрнула косточку и протянула половинку абрикоса Валерио.

– Как вы узнали обо мне?

– Случайно. Просматривал телеканалы и наткнулся на вас. Не поверил сначала. А, когда отсидел с вами пять лекций, убедился в том, что вы именно та, которая в костре. Не просто похожи, а именно вы. Уж, поверьте, за две недели я вас хорошо изучил. Там. Во сне. Даже волосы те же.

– А как вы объясняете этот парадокс?

Доменик нацелилась на бутерброд с сыром.

Валерио присел на край кровати:

– Сначала никак не объяснял. Но после вашего выступления в той программе, и, особенно, наслушавшись ваших теорий, подумал, что... – он замолчал, вновь пригладив волосы знакомым жестом, – ... раз у вас так все продвинуто, так что вам стоит залезть в мои мозги и поворошить их.

– То есть, вы решили, что я, каким-то образом, пробралась в ваши сны и экспериментирую над вами?

Ей с трудом удалось подавить улыбку. Не дай Бог, он бы ее заметил – следующий абрикос, и не только, наверняка, полетел бы ей в голову. Неустойчивая психика чревата неожиданностями.

– Что-то вроде того, – Валерио устало потянулся, – а разве нет? Так что... исправляйте, что наделали. Иначе, пойдете со мной. Туда. В пламя.

Доменик быстренько отогнала возникшую в голове картинку того, что он пообещал.

– Вы разрешите мне поговорить с одной моей приятельницей? Боюсь, без ее помощи мне не справиться.

– Ну, конечно, сначала приятельница, потом приятель, и так дальше. Вы меня за дурака держите?

В его голосе опять прозвучала угроза. Едва слышимая, но очевидная.

Слава Богу, бутерброд уже был съеден.

– Кофе опять остыл. Я должна вам кое-что пояснить. В ваших размышлениях есть одна, но существенная ошибка. Зачем бы мне было себя афишировать в телепрограмме, зная, что есть некий процент узнавания меня вами? Тем более, в передаче, посвященной разгадке природы сновидений? Напротив, я, согласно вашей гипотезе, должна была бы изо всех сил от вас скрываться.

– Хорошо. Тогда, что это? – Валерио нахмурился. Определенно, он запутался, что не повлияло на его замысел излечения от "заразы", даже если ему придется пойти на крайние меры, – ведь это же вы заманиваете меня туда, в огонь. И это из-за вас я в язвах. Вам это до сих пор не понятно?

– Не совсем. А, поэтому, мне необходимо проконсультироваться с Ирене.

– Кто это?

– Моя однокурсница и коллега. Но она, в силу некоторых обстоятельств, изменила направление деятельности, став психотерапевтом-экстрасенсом. Ну, так как?

Глава 6

Она надолго исчезла тогда.

В тот день – день рождения Ирене – Доменик вызванивала ее с утра, каждый раз натываясь на вежливое предложение автоответчика повторить попытку связаться с абонентом позже.

Попытку повторила. И не один раз в течение дня. С тем же результатом. И это в свете вчерашних длительных переговоров о совместной стряпне к праздничному столу, для чего Доменик свернула "в трубочку" все дела, освободившись пораньше.

Бесполезно отстучав в запертые двери ее дома, она помчалась в клинику, где Ирене работала психоаналитиком. Но все попытки выяснить, куда она подевалась, закончились ничем.

Единственная информация, добытая Доменик через третьи руки, тоже мало что проясняла – Ирене уволилась, а, вернее, взяла бессрочный отпуск после того, как сегодня утром получила некий конверт из лаборатории.

Доменик бросилась туда, но ее выпроводили со словами о конфиденциальности информации, не вправе быть разглашенной без согласия Ирене.

– Да посмотрите на меня. Вы, что, меня не узнаете? А, если с ней что случилось? Ну, не в полицию же мне обращаться.

Один из лаборантов, Паоло, безразмерных объемов рыжий детина, над которым периодически подшучивали, грозя пристроить к лаборатории еще как минимум двадцать метров для расширения живого пространства, ощутимо недостающего, когда тот заступал на свое рабочее место, сжалился над Доменик, "предположив", что, вероятно, Ирене уехала в Римини, к родителям.

– Ничего мне не сказав? Как такое может быть?

– Девочка моя, – Паоло ручищей размером с лопату по-отечески погладил Доменик по голове, – все бывает в жизни. И это тоже.

– А это как раз нет, – она сердито отпихнула его руку. К Ирене постулат Паоло никаким образом не относился.

После того, как Таддео "позаботился" о них, Доменик растерялась – что делать? Подаренными откупными – а сумма, действительно, была не маленькая – она могла воспользоваться только через пятнадцать лет, когда Лудовике исполнится восемнадцать. То, что презентовали ей лично, хватило лишь на выплату остатка ссуды за дом. А жить на что?

Ее доходы покрывали оплату университета – а впереди еще год доучиваться на первую степень, которой она не собиралась ограничиваться – с небольшим остатком на все мелкие нужды. Чтобы взять няньку для Лудовики и речи не было – та "съела" бы этот остаток.

И обратиться-то было не к кому – родителей Доменик не знала, а, соответственно, и родственников, как неременную добавку к семейному "салату".

И вот тут ее жизнь разнообразилась, и, весьма заметно, с появлением Ирене.

– Никак не пойму. То ли кукла, то ли ангел. Вы позволите присесть рядом с вами, сеньорина?

Луди, постоянная спутница Доменик на большей части лекций, прижалась к "мамми", хлопая длинными ресничками на втеснившуюся рядом тетеньку с горой книг. Одна из них в яркой разрисованной обложке, в основном, с набором гастрономических деликатесов, включая нелюбимый ею куриный шницель, шлепнулась на ее колени.

– Милое создание, я не очень отвлеку вас от Харольда Маслоу, если предложу вам шоколад "Бачи"? Не отказывайтесь. Этот продукт, как нельзя кстати, вписывается в его теорию.

Доменик согласно кивнула на вопрошающий взгляд Лудовики.

– Ну, что? Будем знакомиться? Ирене.

Из аудитории они вышли уже подругами с Лудовикой посередке, ухватившейся для равновесия и за палец вкусно пахнувшей тетеньки.

Ирене решительно воспротивилась упадническому настроению Доменик:

– Вы, что это, сеньора? Спокойно! За тебя ТАМ уже все решили! Тебя ждет блестящее будущее! И скажи "спасибо" папашке этой девицы. Таковую не каждый может сообразить.

Ирене кивнула в сторону Луди, сосредоточенно выясняющей отношения с очередным свалившимся на нее подарком от ее новой "подружки" – какой из этих смешных башмачков на передке с мордочками лисят левый, а какой правый? Лисята ведь одинаковые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.